

КАК ОБРЕСТИ педагогическое мастерство?

Марк Максимович Поташник,
*действительный член (академик)
Российской академии образования,
профессор, доктор педагогических наук, Москва,
e-mail: mark.potashnik@mail.ru*

Вождеденный ответ на вопрос, вынесенный в название статьи, волнует всех педагогов и руководителей школ. Кто-то наверняка предположил, что коли есть вопрос «Как?», то будут приведены алгоритм действий или система мер, технология, методика. Это действительно так, только алгоритм будет состоять из одного пункта. Постичь сущность этого пункта можно только из сюжета статьи, который взят из жизни автора.

• педагогическое ремесло • педагогическое мастерство • источники (тезаурус) мастерства • педагогическая беспомощность • общая развитость личности учителя эрудиционного типа

Описываемые события произошли шестьдесят лет назад. Я тогда был студентом второго курса МГУ и подрабатывал в школе-интернате. Самым напряжённым было время укладывания детей спать: всё-таки два пятиэтажных корпуса, много палат,

и труднее всего было по понятным причинам со старшеклассниками.

Наш «герой», о котором речь пойдёт ниже, был неуправляем, и, чтобы как-то занять его, я попросил быть помощником

ночного дежурного воспитателя, то есть моим помощником, и, проинструктировав, отправил укладывать спать детей в младшем корпусе. Эта придуманная мною «должность» привлекала старшеклассников тем, что позволяла им позже лечь спать, а для моего помощника — ухитриться перед сном покурить и немного поболтать по корпусам (проверить, все ли спят, не болен ли кто).

Когда все уснули, Александр нашёл меня, чтобы доложить, всё ли в порядке, и вдруг спросил: «А можно я немного посижу перед сном?» Я не возражал. Он сел рядом на банкетку. Разговорились. Я спросил: «Отчего ты такой злой, свирепый, грубый с учителями, младшими ребятами, девочками, всех бьёшь, оскорбляешь?» Александр помолчал, потом спросил: «Можно закурить?» Вопреки строжайшим запретам я почему-то не возражал. И тут услышал его исповедь — рассказ изуродованного, в чём-то ещё наивного израненного обозлённого ребёнка, который не встретил человека (родственника, учителя, друга), который бы хоть как-то разъяснил ему, какой сложной бывает жизнь и как человек может преодолеть невзгоды, не разрушиться и стать счастливым, обрести равновесие.

Месть всем за двойное «предательство»

Так сложилось, что у семилетнего Саша не было праздника Первого сентября, когда его сверстники пошли первый раз в первый класс. В этот день он хоронил маму, умершую от неизлечимой болезни, маму, которую очень любил. Отец — хороший человек, горевал два года, а потом привёл в дом женщину, сказав сыну, что это его вторая мама, а отцу — жена.

— Какая она мне мама, она мачеха!! — с обидой, горечью и слезами кричал Саша. — А маму ты предал!

Отец тогда не нашёлся, что ответить. И я не понял, причём тут предательство.

Саша с гневом возмущался: «Ну как вы не понимаете: на кладбище отец так плакал над гробом мамы, что я впервые почувствовал, что такое любовь, а два года спустя, в постели, где рядом с отцом недавно лежала мама, появилась другая женщина! Разве это не предательство?»

Как рассказал Александр, мачеха очень старалась завоевать расположение пасынка, и он постепенно привык к ней, его сердце оценило её доброту, терпение. Она вместе с отцом и Александром ходила на могилу мамы мальчика, бережно и уважительно относилась к её фотографии в комнате Александра. Всё как будто нормализовалось.

А потом случилось новое несчастье — отец (он был дальнобойщиком) погиб, когда его машину в горах оползнем смыло в пропасть.

«Я тогда очень переживал гибель отца. Моя вторая мать так рыдала над его гробом, что даже мне пришлось её утешать. А через два года она привела в дом нового мужа, и рядом с ней в постели, где когда-то был мой отец, появился другой мужчина. Она предала отца так же, как когда-то отец предал мою мать», — с горечью и злостью говорил в тот вечер Александр. Так, говоря юридическим языком, у него появились и мачеха, и отчим, для которых он был чужим, дважды пасынком.

Этого испытания жизни Александр не выдержал и, как говорят, сорвался, пошёл в разнос: бросил школу, стал бродяжничать, воровать, разбойничать, его поставили на учёт в милиции и решением комиссии по делам несовершеннолетних он был определён в школу-интернат с последним предупреждением о... Можно понять парня, поскольку после трагедий, которые произошли в его жизни, кто-то другой мог сойти с ума, попасть в психушку...

Когда я слушал исповедь шестнадцатилетнего Александра, то пытался ему объяснить, что никакого предательства не было, что так сложилась жизнь. Я был тогда очень молод, у меня ещё не было семьи, и я не смог переубедить юношу.

В школе-интернате лёгких детей не было, у всех были искалеченные жизнью судьбы, но Саша был едва ли не самым тяжёлым: дерзко грубил учителям и воспитателям, дрался, бил младших, срывал и прогуливал уроки, курил, оскорблял всех — то есть был самым что ни на есть педагогически запущенным подростком, а если кратко, то циником, грубияном, хамом.

Неизбывная трагедия

Девушка, о которой пойдёт речь (назовём её Еленой), попала в интернат после другой пережитой трагедии. Она была из многодетной неблагополучной семьи, где отец, будучи в пьяном угаре, устроил дебош и в состоянии полного беспамьятства выбросил из окна трёхмесячного младенца, а обезумевшая мать бросилась за ним. Оба они погибли. Эта страшная трагедия произошла на глазах Елены, которая от случившегося потеряла рассудок и оказалась в психиатрической больнице. Полгода врачи возвращали её к нормальному состоянию, после чего она и попала в школу-интернат, в тот же класс, где учился Александр. О пережитой ею трагедии знали только педагоги, очень сочувственно и бережно относились к ученице.

Елена быстро догнала сверстников, училась прилежно, постепенно с трудом оправлялась от пережитого. По характеру была очень легко ранимой. И ещё одна особенность, важная для нашего рассказа: к семнадцати годам у неё были очень (как бы это поделикатнее сказать) пышные формы.

А дальше произошла, с педагогической точки зрения, банальная ситуация, которая могла закончиться для Елены новой трагедией.

Напомним, Александра учителя откровенно не любили, некоторые даже побаивались. Елену же все любили, сочувственно и очень бережно относились к ней.

ЖИЗНЬ В ПРОФЕССИИ

В интернате было заведено такое правило: воспитанники, пережившие трагедии, имели негласных опекунов. У Елены таким человеком была директор интерната — женщина сильная, с добрым сердцем.

И не дай бог никому пережить то, через что прошли Александр и Елена.

Куча мала

В то время в интернате на переменах была такая игра: дети стихийно делились на две группы, каждая выстраивалась вдоль стены против другой, и эти «команды» плечами толкали друг друга, стараясь свалить. Более слабая «команда» упиралась, сопротивлялась, но так или иначе кто-то побеждал, свалив соперников на пол, а победители прыгали сверху на тех, кто проиграл. Получалось то, что называют «куча мала». Все радостно кричали, визжали, смеялись; на шум прибежал дежурный учитель и разгонял по углам участников этого, казалось бы, невинного детского действия. В «командах» могли быть и малыши, и подростки, и юноши, и девушки.

В тот день в этой игре на перемене участвовали и Александр, и Елена. Когда образовалась весёлая куча мала, то Александр, вставая, случайно коснулся рукой груди девушки. А вот тут напомним, что у Елены были пышные формы, и она очень стеснялась этого, была человеком, легко ранимым. Если бы Александр был воспитанным юношей, то он бы не заметил случайного прикосновения. Александра же, напомним, мы охарактеризовали к этому времени тремя словами: циник, грубиян, хам.

Далее жизнь связала этих ребят в тугую и очень злой узел. Произошло следующее.

После того как кучу малу разогнали, Александр с ребятами пошли за школу

курить, и парень рассказал приятелям, как он в этой куче... «пощупал» Елену, и под общий хохот Александр взял кусок кирпича и на стене школьного здания нарисовал мерзкий рисунок, унижающий достоинство девушки, и всё это гадкое непотребство подпisał именем Елены.

В самом начале этого надругательства кто-то из девочек в открытое окно женского туалета второго этажа, услышав-увидев происходящее, позвал Елену. Девушка, не помня себя, выбежала на улицу, чтобы как-то соскоблить, соскрести, уничтожить позорящий её грязный рисунок, ей это не удалось, и она билась в истерике, вырываясь из рук тех, кто хотел её остановить, и кричала только одно: «Я жить не буду, не буду..!»

Когда учителя и воспитатели поняли, что произошло, рассказали директору, вызвали скорую психиатрическую помощь. Врачи с помощью инъекций как-то успокоили Елену. Мерзкая «живопись» была закрашена краской, что показали девушке. Она пришла в себя.

То, что сделал Александр, психологи назвали бы — уродливая форма проявления подросткового эротизма.

Для школы-интерната это была тяжелейшая (на грани трагедии) и острейшая педагогическая коллизия, разумного выхода из которой тогда никто не знал. Состояние учителей, воспитателей, руководителей школы было неадекватным, всем хотелось отомстить Александру за слёзы, за душевную травму Елены, которую все в школе-интернате любили. Если бы Сашу в этот момент нашли, учителя бы его, вероятно, избили, как бы это чудовищно ни выглядело. Директор (всегда выдержанная и уравновешенная женщина) с гневом в глазах и голосе почти кричала: «Найдите мне этого негодяя!!» Но Александра нигде не было. Не появился он и на обеде. Потом было время отдыха, а в шестнадцать часов все собрались, как обычно, в классах на самоподготовку, за партой Александра никого не было.

Всю жизнь и ещё две минуты

Воспитателем-классным руководителем здесь была Елизавета Зиновьевна, а я — её помощником на четверть ставки. Это был не мой рабочий день, но из-за произошедшего события я задержался, вместе со всеми искал Александра.

Ребята достали учебники и тетради для приготовления домашнего задания, и тут Елизавета Зиновьевна открыла дверь лаборантской комнаты, из которой вышел Александр. «Иди, садись на своё место», — спокойно сказала учительница. Класс обомлел от ужаса. Видя, какими презрительными взглядами встретили его девочки, а парни были кто растерян, а кто начал осознавать произошедшее, Александр прошёл между парт с наглой ухмылкой на лице и даже кому-то грубо произнёс: «Что зенки вылупила?!» — и нарочито шумно, с грохотом сел за свою парту. Всем стало понятно, что сейчас что-то произойдёт, и класс в оцепенении замер.

Елизавета Зиновьевна обратилась ко всем...

Я не могу полностью воспроизвести её речь (с тех пор прошло шестьдесят лет), но уверен, те фрагменты, что остались в памяти, дадут читателю почувствовать педагогическую мощь сказанного:

«Я займу несколько вашего времени. Хочу рассказать вам о том, что такое... женская грудь, что такое честь девушки и достоинство мужчины...». Она говорила, что женская грудь — то святое место у женщины, которым вскармливается только что родившийся человек, что каждого из нас его мама кормила грудью, давая ему(ей) силы для жизни, что каждый, не осознавая, инстинктивно, будучи маленьким и незащищённым, тянулся к женской груди за её силой и лаской, за нежностью и защитой.

Далее она рассказала, что только самые гениальные художники всех времён

и народов в самых лучших полотнах рисовали женское тело и женскую грудь, и вот уже много веков люди ходят в лучшие музеи мира, чтобы восхититься этой чарующей красотой. Она назвала имена великих живописцев и их картины, которые тут же оживали в воображении слушающих.

Далее она рассказала, что самые выдающиеся, самые гениальные писатели и поэты в великих произведениях только восторженно и свято говорили о волшебном очаровании женского тела, женской груди и до сих пор...

Потом она говорила о чести и достоинстве женщины и мужчины, о том, что грязным языком прикасаться к святому недостойно для юноши...

Затем обо всём сказанном (о женской груди, о чести и достоинстве юноши и девушки) она стала читать стихи тех великих: Байрона, Шекспира, Пушкина, Лорку, Блока, Евтушенко, Вознесенского... Она читала наизусть долго, не переставая... И тут вдруг резко встал Саша (наглый циник, грубиян, хам) и, громко ударив ладонями по парте, крикнул: «Хватит!!!» После паузы подошёл к парте, за которой сидела Елена, и покрасневший бессвязно бормотал слова извинения.

Я тогда подумал, что **это и есть педагогическое мастерство**. А ведь мы все, работающие в интернате «педагоги», бегали, чтобы найти Александра и, как говорят, разорвать его на куски.

И я, и ребята сидели замороженные и повторяли в голове всё услышанное, которое было таким ценным, понятным и одновременно непостижимым.

Потом я спросил у Елизаветы Зиновьевны, сколько же времени она готовилась к этому необычному и потрясшему меня и всех классному часу. Коллега как-то спокойно и без занудных педагогических затей (то есть без перечисления факторов, условий, содержания, форм, методов) ответила (будьте особенно внимательны и чутки, уважаемый читатель):

«Всю жизнь... и ещё две минуты, когда возникло решение».

Ответ на вопрос «Как?» (вынужденное морализаторство)

Черновик рукописи я разослал для рецензий коллегам и получил разные группы ответов.

Одни требовали убрать анализ источников педмастерства, не оценивать интонации, темп, взгляд, так как в моём изложении любой анализ — это всегда упреки в адрес всех учителей в их педагогической беспомощности, это всегда обижающее учителей морализаторство. Советовали убрать любые разъяснения, ибо статья и сама по себе бьёт в самое сердце. И тогда, де, читатель-учитель не обидится, а удивится и **сам** проанализирует ситуацию, и **сам** сделает вывод («я нечуткий, толстокожий, недостаточно образованный»). И только тогда будет эффект. А иначе «возженная взятым из жизни сюжетом новеллы свеча погаснет», — написал один мудрый рецензент.

Согласен с мнением этой группы рецензентов: конечно же, есть учителя, которым никакой анализ не нужен, они сами достаточно образованы, мудры, чутки, чтобы сделать нужные для себя выводы и развивать себя, чтобы стать мастером в ремесле, благороднее, умнее и мудрее, чем были прежде.

Мастер (или стремящийся к мастерству) всегда останется (и станет) мастером. Но (как написал другой рецензент) их единицы, они словно святые, юродивые, особенно в наше время. Однако...

Среди отзывов были и другие (и их немало). Например: «Интересно, а какие у этой учительницы результаты ОГЭ-ЕГЭ?» (это 60 лет назад); «Всё зависит от того, как оценивать действия учителя. Вот у нас в коллективе обсуждали недавний фильм «Училка» с И. Купченко в главной роли. По мнению некоторых, она талантлива, мастер, не боялась рисковать. А по-моему, нарушила закон (как минимум дважды),

а потому просто дура». Конечно, есть и те, кто сослался на низкую зарплату, детей-дебиллов. Этим людям никакой сюжет и никакой его анализ не помогут.

И, конечно же, есть те, кто прямо написал, что хочет стать мастером, кто готов работать над собой, не ссылаясь ни на что. Вот для них мы и дадим краткий анализ.

Источником педмастерства Елизаветы Зиновьевны являются все прочитанные книги, поэтические сборники, просмотренные кинофильмы, спектакли, посещённые музеи и картинные галереи, все данные ею уроки по предмету, все экспедиции с детьми, всё, что было пережито, прочувствовано, продумано, приобретено, получено в результате общения с хорошими и плохими, но особенно с интересными людьми — всё то, что относится к широкому толкованию понятия «развитие», всё это накапливается и до поры до времени «дремлет» в человеке, но в нужный момент, в непредвиденно возникшей сложной драматической ситуации выливается наружу в виде оригинального, творческого, оптимального педагогического решения.

Чтобы знать и понимать живопись, поэзию, их надо, как минимум, касаться, для чего нужны желание и воля (чтобы найти время). Елизавета Зиновьевна не была словесником.

Многие учителя недоумевают: почему они, будучи очень добросовестными и упорными при подготовке уроков, оказываются совершенно беспомощными перед постоянно возникающими в жизни детей и учителей педагогическими коллизиями. Вспомним, как все учителя бегали по школе в поисках Саши ради того, чтобы избить его, наказать, отомстить, запугать, чтобы неповадно было.

Кроме этого примитивного решения в тот момент учителя ничем не руководствовались.

Причина этой педагогической беспомощности — в неразвитости интеллекта, эмоциональной сферы, интуиции, низком уровне общей культуры, в отсутствии эрудиции. Это характерно для учителей-туннельников, которые, кроме своего предмета, не эрудированны в других областях знаний, сферах искусства и жизни в целом, то есть для людей неразвитых. **Им не из чего черпать то, что называется педагогическим мастерством.**

Не учитель-туннельник, а только широко образованный педагог эрудиционного типа с чуткой душой и умным сердцем способен подняться до высокого уровня педмастерства.

И ещё. И Елизавета Зиновьевна, и героиня фильма «Училка» очень рисковали в крайне одиозной, нечеловеческой ситуации. Но они не боялись проиграть (тогда у них возникло бы ещё какое-то новое мудрое решение). Ну, и не будем забывать: для обретения педмастерства, кроме вышеназванного, нужно ещё и личное мужество, жажда спасти ребёнка, твёрдость в достижении благородной цели, то есть характер.

И в заключение не могу не ответить тем, кого заинтересовал ехидный вопрос: «А какие результаты ОГЭ-ЕГЭ у этой учительницы?» Пора понять, что обучить детей хорошо сдавать ЕГЭ — это самое простое, что есть в школьной педагогике, это тот минимум, который обязан обеспечить каждый учитель, это то, что относится к учительскому ремеслу, а не педагогическому мастерству. **НО**